

DOI 10.22363/2312-8127-2019-11-1-16-33

Научная статья

Бейрут под российским правлением²

Часть 2. Осада и оккупация (1773–1774)

Т.Ю. Кобищанов

Институт стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова
ул. Моховая, 11, Москва, Россия, 125009

В ходе русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Россия стала первой европейской державой, которая в новое время вторглась на Ближний Восток и даже на короткий период заняла часть его территории: г. Бейрут. События, предшествовавшие штурму и захвату города, а также происходившие во время оккупации, были зафиксированы как местными летописцами, так и российскими офицерами, нашли отражение они и в письмах арабских правителей и донесениях находившихся в Сирии дипломатов. В результате вырисовывается объемная картина общества, впервые столкнувшегося с колониальной экспансией модернизирующейся Европы.

Вторая часть представленной статьи представляет картину жизни города во время осады 1773 г. и последовавшей оккупации российскими войсками: сперва действительно имевшей место, а затем – мнимой. Особое внимание уделяется изменениям в системе существования различных этноконфессиональных общин Бейрута.

Ключевые слова: Бейрут, Сирия, Архипелагская экспедиция, Йусуф Шихаб, Дахир аль-Умар

12 и 17 июня 1773 г. к сирийским берегам подошли две российские эскадры под командованием секунд-майора Ивана Войновича и старшего по званию капитан-лейтенанта Михаила Кожухова. На кораблях прибыл и морской батальон подпоручика Аненкова, а также 2-ой албанский батальон Георгия Дуси, в составе 13 офицеров и 340 десятников и рядовых [1. Ф. 188. Оп. 1. Д. 91. Л. 107]: албанцев, греков и «славон» (далматинских сербов и черногорцев). Экспедиция прибыла на помощь потерявшему власть в Египте 'Али-бею. Для Кожухова с Войновичем стало полной неожиданностью, что бывший правитель, не дождавшись обещанной российской подмоги, со сравнительно небольшими силами предпринял поход на Каир, был разбит и 8 мая 1773 г. скончался от ран. Соответственно, шейху Дахиру надо было придумать, как

© Кобищанов Т.Ю., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

удержать флотоводцев, предложив им новую цель. Ею и стал Бейрут. Капитанов удалось убедить, что город будет взят несложно при поддержке ливанских войск, и эта совместная операция даст России союзника в лице Йусуфа Шихаба [10. С. 84].

Переговоры начались 25 июня и продолжались более 3-х недель, несмотря на то, что основные положения союза были уже согласованы шейхом Дахиром с находившимся в Сирии поручиком Баумгартеном [1. Ф. 188. Оп. 1. Д. 92. Л. 63]. Эмир Йусуф также к тому времени получил от шейха соответствующие «наставления» [1. Ф. 188. Оп. 1. Д. 91. Л. 69]. Однако заверения союзников, что друзья готовы штурмовать Бейрут и лишь ожидают «с большой нетерпеливостью» прибытия российских кораблей» [1. Ф. 190. Оп. 1. Д. 122. Л. 18–18 об.], не подтверждались на практике. Выведенный из терпения Кожухов даже пригрозил увести суда, если переговоры еще затянутся [1. Ф. 8. Оп. 4. Д. 771. Л. 3].

Причина неспешности ливанской стороны очевидна. В рядах знати не было единства. В отличие от поддерживавшей эмира Йусуфа коалиции Джумблати, феодалы фракции Йазбаки, по свидетельству эмира Хайдара Ахмада аш-Шихаба, желали успеха аль-Джаззару [19. Т. 1. С. 98]. Собрание ливанских феодалов (1) должно было санкционировать переход на сторону врагов Порты. В таком случае при неудаче союз нельзя было бы объяснить личным выбором эмира Йусуфа, свергнуть его и заменить другим членом клана Шихабов. Недаром каждый из присутствовавших представителей знати лично подписался под договором, приложив к нему свою печать [1. Ф. 315. Оп. 1. Д. 607. Л. 5 об.]. К согласию, очевидно, удалось прийти не сразу. Друзским феодалам требовалось убедиться, что чаша весов склоняется на сторону антиосманской коалиции и пришел срок, пока не поздно, примкнуть к победителям.

Текст «кондиций» был подробно разобран И.М. Смилянкой [13. С. 390–393], поэтому ограничимся кратким изложением. Первый артикул договора провозглашал обязательство признавать «вышепоказанными» феодалами «от сели и впредь своею защитницею Ея Императорское Величество [Екатерину II. – *Т.К.*]» [1. Ф. 315. Оп. 1. Д. 607. Л. 1 об. – 2]. Арабский текст до нас не дошел, но очевидно, в данном случае был использован термин «химайа» (араб. «защита», «покровительство») (2).

По справедливому мнению И.М. Смилянкой, это понятие имело смысл не политико-юридический, а репрезентативно-протекционистский [13. С. 409]. Так же, как и год назад, ливанская сторона внесла оговорку, что переход под протекторат состоится только при условии территориальных приобретений в регионе, в данном случае: взятии Бейрута. Второй артикул фиксировал, что шейх Дахир также признавал зависимость от России [1. Ф. 315. Оп. 1. Д. 607. Л. 2]. Прочие пункты соглашения оговаривали обязательства дружеской знати не отречься от союза с Россией до окончания войны, наказывать отступников, предоставить 5–6-тысячный воинский контингент для осады и штурма Бейрута, не вступать в сепаратные переговоры с неприятелем. Определялись статус аль-Джаззара в случае его пленения, участь захваченного военного имущества, а также будущее бейрутских церквей и пленных-христиан.

Одним из ключевых был десятый артикул, устанавливавший порядок действий союзников «во время штурмования» Бейрута. На том основании, что российские части, «бегая по городу», не смогут отличить друзов от солдат аль-Джазара, было договорено, что артиллерия Кожухова проделает бреши в стенах, а внутрь проломов пойдут только ливанские ополченцы. «...а чтоб наградить российския войска обыкновенным грабежем, который в таком случае им запрещается, то вышепоказанные князья и начальники дурусские, обязуются платить господину коменданту Российскому триста тысяч левков [пиастров. – *Т.К.*]» [1. Ф. 315. Оп. 1. Д. 607. Л. 4 об.]. Обязательства ливанской стороны закреплялись предоставлением заложников-«аманатов» [1. Ф. 315. Оп. 1. Д. 607. Л. 5 об.].

17 июля 1773 г. «кондиции» были подписаны, два дня спустя племянник правящего эмира Муса ибн Мансур (ум. 1807) занял место высокородного «аманата» при российских капитанах [15. С. 96; 8. С. 14; 18. С. 52–53], и 23 июля объединенная эскадра выдвинулась к Бейруту, а армия эмира перекрыла все подходы к городу со стороны суши (3). На этот раз защитникам Бейрута предстояло столкнуться с куда более грозной силой, нежели та, что атаковала город год назад. Объединенная российская эскадра насчитывала 17 военных кораблей во главе с 42-пушечной «Надеждой». Сирийские летописцы упоминают о том, что город блокировало около 40 больших и малых судов [15. С. 96; 8. С. 14]. Это может быть близко к истине, учитывая присутствие на рейде флотилии шейха Дахира, а также нескольких торговых кораблей, чьи капитаны получили заверения, что прождать придется недолго, поскольку на взятие города потребуются не более пары часов [20. Р. 212]. На деле на это ушло более трех месяцев.

Ход осады Бейрута, нюансы взаимоотношений российского командования с арабскими союзниками и Джазар-беем достаточно подробно описаны в отечественных исследованиях. Поэтому позволим себе дать лишь их общую канву и сосредоточиться на событиях, происходивших в городе и в лагере эмира Йусуфа.

В первый артобстрел российские суда вложили всю огневую мощь 232 орудий, «разрушая дома и жилища осажденных, неся горести и несчастья» [6. С. 114]. В сирийских хрониках вновь появляются уже не выглядящие столь преувеличенными цифры в «6 тысяч пушечных выстрелов, произведенных в ходе только одной бомбардировки» [18. С. 53], или в «20 тысяч ядер, выпущенных по городу в течение 8 дней» [5. С. 320]. Потрясенные бейрутцы решили, что «настал Судный день» [18. С. 53], и впоследствии утверждали, будто звуки канонады были слышны в 6 часах пути от города и даже в самом Дамаске. Сайда, по свидетельству французского консула, сотрясалась от доносившегося грома пушечных разрядов [20. Р. 211].

К счастью для осажденных, эффект от бомбардировки был преимущественно психологическим. Со стороны моря город представлял для артиллеристов удобную мишень (4). Однако, как указывал ливанский летописец, «бейрутские строения были построены из песчаника, и ядра не производили в них больших разрушений, выбивая лишь отдельные камни, в которые попадали,

оставляя здание в целом нетронутым» [18. С. 53]. Качественная кладка бейрутских домов, стоявших «на сводах необыкновенно прочных, по самому свойству камня» [3. С. 82], не позволяла им превратиться в груды развалин; местные жители и гарнизон укрывались под «кривыми и узкими» уличными сводами. Полностью разрушенным оказалось лишь небольшое число городских сооружений, «ничего же плохого сверх того, – как указывал летописец, – не происходило» [8. С. 14].

Между тем небольшая городская батарея вполне успешно отстреливалась, «солдаты аль-Джазара день и ночь были на стенах» [15. С. 96]. Российские суда, расстреляв боезапас и получив повреждения, один за другим начали выходить из боя. Центр сражения переместился на сушу. «Албанский» батальон майора Дуси высадился на берег, под его прикрытием артиллеристы установили батареи и к 31 июля пушечным огнем разрушили тонкие стены в двух местах. Джазар-бей бросал солдат в безуспешные вылазки, а тем временем защитники города заделывали проломы, «возводя перед этой стеной вторую, из ящиков и корзин, наполненных песком» [15. С. 96]. Эти баррикады могли быть легко преодолены, однако возникло неожиданное затруднение: друзские феодалы отказались вести свои войска на штурм. Более того, как отметили российские офицеры, уже со второго дня осады ливанские ополченцы стали «уходить по домам в свои деревни» [16. С. 687].

Дезертирство ливанских войск нельзя объяснить лишь их недостаточной боевой подготовкой либо трусостью и нежеланием ввязываться в непривычный бой на узких городских улицах (5). Подобное поведение ливанской знати, небезосновательно названное местным хронистом «предательством» [15. С. 96], не было редкостью. Как отмечал историк Ильяс Харик, «если муката‘аджи был лично привержен цели, за которую сражался эмир, он мог оставаться с ним неограниченное время. Однако если он не был ее рьяным сторонником, то мог и отказать в своей поддержке; обычно это происходило, когда хаким [правящий эмир. – Т.К.] был слаб и муката‘аджи чувствовал, что серьезные последствия не наступят» [22. Р. 61]. Очевидно, так было и на сей раз. С трудом согласившиеся на союз с Россией феодалы, увидев, что осада Бейрута затягивается, предпочли не вступать в прямое столкновение с гарнизоном, оставить Йусуфа Шихаба и вернуться в свои владения.

1 августа эмир Йусуф в панике бросился к Кожухову и Войновичу, расписавшись в неспособности удерживать разбегающиеся войска [1. Ф. 8. Оп. 4. Д. 771. Л. 7]. Ко 2 августа из 8-тысячной ливанской армии в строю оставалось лишь пятая часть. 600 человек маронитского ополчения удалось уговорить спуститься к берегу, а еще 1 тыс. солдат остались в «верхнем лагере». Через два дня верхний лагерь полностью опустел, а на берегу оставалось лишь 400 ополченцев. Очевидно, христианские феодалы Северного Ливана не без влияния Са‘ада аль-Хури проявили несколько большую лояльность правителю, нежели друзские шейхи.

Раздавленный и униженный эмир при всех назвал себя «бесчестным» «и просил о неоставлении его в чем от нас», – докладывал Кожухов [1. Ф. 8.

Оп. 4. Д. 771. Л. 7 об.]. Как писал не скрывавший сочувствия к правителю православный бейрутский летописец, российские офицеры «сжалились и пообещали продолжать осаду до тех пор, пока не возьмут для него штурмом город» [15. С. 96]. Впрочем, сам эмир с оставшимися «верными ему людьми» [8. С. 14] в тот же день предпочел ретироваться в близлежащие горы [1. Ф. 8. Оп. 4. Д. 771. Л. 7 об.]. Бесславно вернуться с поражением командование эскадры, потерявшее при штурме 65 человек убитыми и ранеными, не собиралось. Оставлять войска на берегу без прикрытия было опасно, и Кожухов с готовностью принял поступившее ему 5 августа предложение аль-Джаззара о перемирии при условии эвакуации десанта обратно на суда. Корабли встали вне досягаемости крепостных батарей.

В этот момент Ахмад-бей, судя по всему, решил разыграть рискованную комбинацию. На следующий день после эвакуации десанта он прислал «дервиша»-парламентера «с представлением что бей себя с городом подвергает в протекцию Ея Императорскаго Величества на таковых договорах чтоб города принцам друзским неотдавать а соединить его с шехом Дагер Омером с которым будет он воевать против Оттоманской Порты» [1. Ф. 8. Оп. 4. Д. 771. Л. 8].

Сложно сказать, насколько правитель Бейрута был искренен в желании перейти на сторону противника. Возможно, его готовность переметнуться в стан врагов султана была лишь уловкой, чтобы выиграть время. Ему, похоже, было известно, что из Дамаска на подмогу Бейруту готовится «выдвинуться большое войско под командованием трех пашей» [8. С. 14]: дамасского, халебского и тарабулусского.

Предложенный аль-Джаззаром союз был отвергнут; предложение, как верно отметила И.М. Смилянская, «противоречило заключенным с друзьями «кондициям», а главное – исключало выплату 300 тысяч пиастров за передачу города эмиру Юсуфу» [13. С. 397]. Однако сил для штурма не хватало, и нападавшие решили сменить тактику, задушив город в кольце осады. Эмир Йусуф с оставшимися верными ему войсками перекрыл ведущую в горы дорогу. 18 и 24 августа осаду замкнули два высадившихся с кораблей десанта, «блокировавших подвоз продовольствия и воды, которые получал город» [5. С. 320]. Солдаты аль-Джаззара несколько раз предпринимали «сильные вылазки» [4. С. 381], безуспешно пытаясь выбить россиян из укрепленных позиций. Очевидно, в это время в Бейруте начали подходить к концу запасы еды. В окрестных садах зрели фрукты, но добраться до них было нелегко: более десятка женщин, пытавшихся нарвать плоды, были захвачены в плен. Хотя автор местной церковной хроники писал, что осажденные получали из городских хранилищ «все, что им было нужно, за исключением малозначимых товаров, например табака» [15. С. 96], мы можем согласиться с И.Г. Константинопольским, считающим, что это высказывание относится к первому периоду блокады [7. С. 84]. О голоде, который «много помог к здаче оной крепости», упоминал в своем рапорте и граф Войнович [1. Ф. 188. Оп. 1. Д. 53. Л. 306]. Сирийские летописи живописуют ужасы жизни голодающего города, жителям которого

приходилось есть мясо «верховых животных и собак» [18. С. 53] и, как добавляли историографы XIX в., даже крыс [3. С. 115]. «Кто сможет описать все тяготы, которые пришлось пережить горожанам?» – экспрессивно восклицал бейрутский летописец [15. С. 97].

Всю первую половину сентября вялые боевые действия между осаждавшими и осажденными чередовались со столь же вялыми переговорами. Создается впечатление, что аль-Джаззар явно тянул время. Наконец, 16 сентября Ахмад-бей внезапно ударил по позициям осаждавших. В результате 5-часового ожесточенного боя русско-албанскому корпусу удалось отразить нападение [18. С. 53]. А на следующий день [1. Ф. 8. Оп. 4. Д. 771. Л. 11 об.] Кожухов с Войновичем получили известие, что османская армия, выступившая из Дамаска на помощь осажденному Бейруту, бесславно рассеялась при известии, что наперерез ей двигаются войска шейха Дахира. 18 сентября аль-Джаззар выразил готовность сдать город Дахир аль-‘Умару и на следующий же день на российской полугалере отбыл в Сайду.

Переговоры продолжались до 29 сентября, когда на борту фрегата «Надежда» были подписаны «Кондиции о здаче Барута». Под ними стоят три подписи: Кожухова, Ахмад-бея аль-Джаззара и ближайшего приближенного Дахир аль-‘Умара, командующего его магрибинской гвардией, Ахмад-аги Денгизли [1. Ф. 315. Оп. 1. Д. 607. Л. 10–11]. Автографа Йусуфа Шихаба под «кондициями» нет, к переговорам его не привлекали. Джаззару, прекрасно осознававшему, что ему грозит, попади он в руки эмира Йусуфа, удалось договориться о переходе со своими подчиненными на службу к шейху Дахиру [1. Ф. 188. Оп. 1. Д. 92. Л. 68]. На следующий день оставшиеся в живых 1 тыс. 200 солдат аль-Джаззара с оружием в руках – уже в статусе союзников – прошествовали через Западные ворота Бейрута. Джаззар покинул город, вывезя с собой накопленные деньги и имущество. Показательно, что его безопасный отъезд обеспечивал не только представитель Дахир аль-‘Умара, но и шейх Хусейн Тальхук со своей дружиной [11. С. 96–97]. Оппозиционная эмиру Йусуфу коалиция Йазбаки не упустила возможности продемонстрировать свою политическую ориентацию, отдав дань уважения защитникам города.

Однако не у одного аль-Джаззара были основания опасаться мести со стороны эмира. В подписанных «Кондициях» мы слышим и отголоски страхов горожан. В соглашении особо оговаривалось, что «Войско Российское и войско начальника Акрсага [шейха Дахира. – Т.К.] во время пребывания своего в городе не причинят городским обывателям никакого вреда и ненанесут им ни малейшей обиды ни в разсуждении их лица ниже имения; а еще должны войска сии быть их покровителями, и защищать их от войск друзских и всяких других, доколе в бережении их сей город остается» [1. Ф. 315. Оп. 1. Д. 607. Л. 10 об.]. Без сомнения, этот пункт был вставлен в договор по настоянию бейрутцев.

Одновременно с выходом защитников города в Восточные ворота «со знаменами, с музыкою и барабанным боем» [1. Ф. 315. Оп. 1. Д. 607. Л. 13–13 об.] вошли российские войска. Арнауты, а также отряд из 50 магрибинцев Денгизли были расквартированы в прибрежных башнях и по периметру крепостных стен.

Оккупация прошла без эксцессов. Отсутствие дружеских войск и дисциплинированное поведение «москвитов» произвели благоприятное впечатление на горожан. И. Войнович доносил, что «на первой случай обыватели кажутся быть довольными» [1. Ф. 315. Оп. 1. Д. 607. Л. 13 об.], а прибывший в Бейрут 3 октября М.Г. Кожухов принял «благодарность» от бейрутцев «за хорошее поведение [гарнизона]» [1. Ф. 315. Оп. 1. Д. 607. Л. 14]. В свою очередь, он приказал освободить 30 мужчин и женщин, захваченных в плен во время осады.

Точное число жертв среди бейрутцев неизвестно. В докладе Кожухова говорится только о 800 погибших солдатах аль-Джаззара [1. Ф. 8. Оп. 4. Д. 771. Л. 13 об.], при всей условности эта цифра кажется достаточно реалистичной. Что же касается «обывателей», то капитан оценивал число уцелевших в 3 тыс., причем, судя по контексту, имел в виду только мужчин. Вошедшие в местные хроники описания осады, а также отсутствие стенаний по многочисленным жертвам позволяют предположить, что погибло относительно немного мирных жителей: несколько десятков, возможно, одна-две сотни человек. Оккупационные войска не проявляли жестокости, и горожане могли надеяться, что отделались малой кровью, и их несчастья окончены. Однако у российского командования были свои планы.

Российские капитаны провели у «Сирских берегов» уже более трех месяцев, потеряли убитыми и ранеными 130 человек, корабли были повреждены, боезапас почти полностью расстрелян. Кожухов и Войнович жаждали обещанной контрибуции. Эмир Йусуф не отказывался заплатить россиянам положенные 300 тыс. пиастров, но просил времени, чтобы собрать деньги. Россияне же, со своей стороны, должны были выполнить оставшуюся часть «кондиций»: передать ему Бейрут.

Эта операция была проведена в два этапа. Войдя в город, российские солдаты первым делом приступили к восстановлению стен («чтоб могли за-счищаца» [2. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1948. Л. 8]), а также к размещению батарей. К 4 октября основные работы были закончены. Убедившись, что горожане не намерены сопротивляться, союзное командование приступило ко второму этапу оккупации. 5 октября магрибинцы Денгизли были отправлены обратно в Сайду, а на смену им прибыл дружеский отряд из 40 человек, возглавляемый эмирами Йусуфом и Мансуром Шихабами [1. Ф. 8. Оп. 4. Д. 771. Л. 14 об.]. Устроенный россиянами торжественный салют стал знаком уважения и поддержки ливанских союзников. В город возвратились его прежние хозяева.

Кожухов с Войновичем отправились к шейху Дахиру в Акку, оставив комендантом Баумгартена, а Йусуф Шихаб приступил к сбору средств. Эмир, который во время военных действий, как язвительно писал Кожухов, «неокуражился неприятелем» [1. Ф. 188. Оп. 1. Д. 91. Л. 108], на этот раз действовал жестко. По свидетельству шеваляе де Толе, у горожан, чиня «бесконечные страдания», подручные эмира отбирали все: «деньги, ожерелья, пряжки, браслеты, товары» [20. Р. 212]. Арабские источники характеризуют действия друзов как «великое притеснение» [5. С. 320] местных мусульман. Очевидно,

с особым удовольствием Йусуф конфисковал находившееся в городе имущество лидеров коалиции Йазбаки [17. С. 395].

Содержащиеся в «Бейрутской церковной летописи» сведения о том, что деньги собирали также и с местных христиан [15. С. 98], не подтверждаются остальными хрониками. Желание православного летописца выгородить своих единоверцев понятно. Однако по какой причине не склонный к сентиментальности молодой эмир пощадил имущество бейрутских христиан? Подписанные с Кожуховым соглашения не содержали никаких ограничений на этот счет, «кондиции» лишь определяли будущее церквей.

Представляется, что милостивое отношение к христианам было инициативой самого Йусуфа Шихаба, который стремился заслужить благосклонность российских союзников. С этой же целью эмир, еще в детстве тайно обращенный в католичество Са‘адом аль-Хури, демонстрировал офицерам нателный крест [1. Ф. 188. Оп. 1. Д. 92. Л. 72] (6). До Ливана к тому времени должны были дойти вести о поддержке Россией восстания, поднятого греками Мореи (Пелопонесса) и ряда других областей; и Йусуф, действуя в привычной для него оси координат, принял политические устремления Екатерины II и ее военачальников за стремление вести войну за веру. В написанном на имя императрицы письме от 1 января 1774 г. религиозный лейтмотив звучал в полную силу, причем эмир делал акцент на благосклонном отношении к христианам со стороны его самого, его «предшественников и предков» [1. Ф. 188. Оп. 1. Д. 92. Л. 71]. Соответственно, Йусуфу требовалось зримое подтверждение своих слов, и лучшим доказательством могло послужить покровительственное отношение к бейрутским христианам.

Реквизиции разоряли мусульманскую общину города, и, опасаясь последствий, эмир решил подавить возможное сопротивление в зародыше. Он прибыл к коменданту Баумгартену и «объявил ему что жители Барута непоказывают свои преданности и велел отобрать у них оружие» [1. Ф. 315. Оп. 1. Д. 607. Л. 15 об. – 16.]. Следует отметить, что владеть оружием, согласно шариату, христианам было запрещено, так что данная мера касалась только мусульман. Российское командование обнародовало требование «о приносе всем обывателям ружей под смертною казнию». Угроза мало кого напугала, и оружия сдали «весьма малое число».

Эмир продолжил разыгрывать свою интригу. Следующим шагом стал донос на «первейшего в городе писаря Саида Али», который был обвинен в саботаже требования коменданта. Солдаты под командованием служившего волонтером при российской эскадре барона фон Палена ворвались в дом османского служащего, который укрывался «в серале», – Кожухов не преминул добавить в свой рапорт пикантную деталь, – и доставили его к Баумгартену. Саид Али просил прощения, обещал обеспечить сдачу оружия и был отпущен.

Однако такой исход явно не устраивал эмира Йусуфа. На следующий вечер эмир выдвинул против Саида Али прямое обвинение в подготовке заговора. Якобы тот «сказал принцу наедине ежели вы дадите дозволение то довольно еще сил чтоб выгнать русских». Предполагаемый заговорщик был помещен

под караул в находившуюся за городом башню, с судов были присланы дополнительные войска, а пушки крепостных батарей развернуты в сторону городских кварталов. Эта демонстрация силы на бейрутцев подействовала, учинив «великий страх обывателям». Мусульмане внезапно осознали, что Саид Али «человек опасной и чрез его измену город все прежние несчастья терпел». Имевшееся у горожан оружие было беспрепятственно конфисковано.

Полтора месяца спустя наступил последний акт спланированного Йусуфом Шихабом действия. 2 декабря Саид Али по требованию эмира был передан ему из-под ареста и казнен. Сын писца, уже прошедший в октябре через публичное коленопреклонение перед эмиром, узнав о смерти отца, тут же дал все признательные показания, о которых «донести прежде страшился». Якобы замысел заговорщиков состоял в том, чтобы на рассвете по окончании рамадана «перерубить всех русских». Теперь Йусуф Шихаб мог быть полностью удовлетворен. Бейрутские мусульмане лишились лидера, были разоружены, их «ружья, сабли и пистолеты» пополнили арсенал эмира. Российское командование убедилось в преданности и полезности ливанского союзника, спасшего их от кровавой резни.

Насколько вероятна была угроза восстания? Начнем с того, что российские источники преувеличивают силу местного ополчения. Фигурирующие в репорте Кожухова сведения о 3 тыс. вооруженных горожанах, сражавшихся бок о бок с солдатами аль-Джазара, – невероятная цифра для небольшого поликонфессионального города. Мусульманская община Бейрута, в которой вряд ли насчитывалось намного больше 1 тыс. боеспособных мужчин, была деморализована тягостной осадой, 3-месячной бомбардировкой, капитуляцией гарнизона и последовавшей оккупацией. Ни одного зафиксированного в источниках эксцесса, ни одной попытки сопротивления или акта недовольства... кроме упомянутого «дела Саида Али», больше похожего на сведение эмиром Йусуфом старых счетов.

Сломив волю бейрутских мусульман, эмир с удвоенной силой продолжил выколачивать из них средства. И все же из 600 кошечков (300 тыс. пиастров), полагавшихся российской эскадре за взятие города, удалось выплатить только 500, причем 450 деньгами и 50 товарами [1. Ф. 188. Оп. 1. Д. 91. Л. 110 об.]. Оставшиеся 50 тыс. Йусуф Шихаб якобы не мог собрать из-за плохого урожая и разоренного состояния эмирата (7).

31 декабря 1773 г. командование эскадры получило последний денежный взнос, а 2 января 1774 г. с крепостных стен и башен были сняты караулы, и войска торжественным маршем «с распущенными знаменами и под барабанный бой», под звуки артиллерийского салюта выступили из города. Кожухов упоминал, что до самого берега за колонной следовала толпа «народа с приятным видом городских обывателей» [1. Ф. 8. Оп. 4. Д. 771. Л. 17 об.], то ли любопытствующих зевак, то ли местных христиан, провожавших единоверцев. Неделью спустя флот ушел с Бейрутского рейда [1. Ф. 188. Оп. 1. Д. 91. Л. 110 об.].

В знак того, что власть в городе сменилась, над приморскими башнями взмыли новые знамена. Два из них: зеленое с красной каймой и красное –

с зеленой [1. Ф. 188. Оп. 1. Д. 91. Л. 110 об.] были штандартами правящего эмира и поддерживавшего его могущественного клана Джумблат. Но современников поразили другие флаги, пересеченные большими крестами. Дойдя до Дамаска, эта новость была воспринята местным христианским хронистом как радостное известие о кресте, водруженном москвитями над воротами Бейрута [4. С. 109; 8. С. 15]. В дальнейшем эти знамена однозначно идентифицировались историками как Андреевские стяги, что должно было символизировать сохранявшийся российский протекторат над владением эмира Йусуфа. Однако в своем рапорте капитан-лейтенант Кожухов описывал их как «флаги белые с прямыми в середине крестами» [1. Ф. 8. Оп. 4. Д. 771. Л. 17 об.].

Голубой прямой Георгиевский крест на белом фоне был символом греческих повстанцев, визуально перекликавшимся с того же цвета косым крестом Андреевского флага. Кто же поднял в оставленном российскими войсками Бейруте этот штандарт?

Дело в том, что в 1774 г. в городе остался отряд арнаутов. 23 ноября 1773 г. между капитаном Кожуховым и шейхом Дахиром был подписан договор о предоставлении последнему «войска Албанского находящегося ныне в Баруте, чтобы перевести оное... в Акру» [1. Ф. 315. Оп. 1. Д. 607. Л. 12–13]. Соглашение касалось батальона Георгия Дуси, который поступал в личное подчинение шейха Дахира «для употребления противу Оттоманской Порты». Месячное жалование арнаутов удваивалось против того, что им платило российское командование [13. С. 404]. В договоре детально прописывалось и довольствие продуктами, включая обязательство ежедневно выдавать каждому солдату «стекляницу вина и другую водки ... а предводителям их и офицерам ... вдвое» [1. Ф. 315. Оп. 1. Д. 607. Л. 12 об.]. Особо обговаривалась недопустимость попыток склонить бойцов батальона к смене вероисповедания.

Однако уговорить албанцев не удалось. 25 декабря офицеров батальона собрали на встречу с уполномоченным шейха «доном Симоном». Облеченный в монашескую рясу представитель семьи ас-Саббах демонстрировал албанцам контракт, уговаривал остаться на службе в Сирии и обещал «уступку жалования», но майор Дуси и его подчиненные, хорошо понимавшие все риски этого предприятия, «на оныя нимало несоглашались» [1. Ф. 8. Оп. 4. Д. 771. Л. 17]. Резкое сопротивление оказал и Ахмад-ага Денгизли. Старого командующего отнюдь не прельщала перспектива получить высокооплачиваемую воинскую часть, способную создать конкуренцию его магрибинцам. Кожухову Денгизли объявил, что «хотя трактат и заключен но он на таком великом жаловании [солдат] не принимает и принимать не будет» [1. Ф. 8. Оп. 4. Д. 771. Л. 17]. Российский командующий не стал упорствовать и приказал грузить арнаутов на суда.

В этот момент перехватить хотя бы часть наемников попытался эмир Йусуф. 26 декабря он объявил Кожухову о переходе к нему на службу капитана Епифания, уроженца о. Скопелос, и далматинца Андрея, помощника капитана полугалеры «Солоника» [1. Ф. 8. Оп. 4. Д. 771. Л. 17] (8).

Арнаутов удалось соблазнить не только деньгами, но и должностями. Епифаний был назначен командиром «над всеми приморскими крепостями»

[1. Ф. 8. Оп. 4. Д. 771. Л. 17], то есть, как уточнял барон фон Пален, двумя прикрывавшими вход в порт башнями [2. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1948. Л. 6]. Андрей получил пост начальника артиллерии Бейрута (9). Орудийную батарею разместили за восточными воротами, и этому факту, как предположил ливанский историк Самир Кассир, была обязана своим названием образовавшаяся позднее на том же месте Пушечная площадь [23. Р. 95] (10). Всего в подчинение эмиру Йусуфу перешло около 40 арнаутов, такое число «русско-греков» насчитал в Бейруте французский консул на Кипре Б. Астье [21. Р. 314]. Ежегодно они получали от эмира 15 кошельков [8. С. 15], что составляло в среднем 15 пиастров в месяц на человека и примерно соответствовало размеру жалования, оговоренному в соглашении между Кожуховым и Дахиром от 23 ноября 1773 г.

Ни Кожухов, ни Войнович в рапортах не сообщили об этом оставшемся в Бейруте отряде. Арнаулы выбыли с российской службы, и офицерам не хотелось о них вспоминать. Что касается самих греко-албанцев, то они явно пользовались благосклонностью эмира Йусуфа и вели себя так, будто находятся на территории, освобожденной от османского владычества. Арабский источник сообщал, что гарнизон продолжал по воскресным и праздничным дням торжественно поднимать флаги с крестами [15. С. 98; 5. С. 320]. Знамена с Георгиевским крестом, реявшие над покоренным городом, где, по преданию, св. Георгий Победоносец поверг змия, без сомнения, несли в себе особый смысл. Не менее символичен был и помещенный над главными городскими воротами образ, который французский консул в Триполи принял за портрет российской императрицы [20. Р. 106]. Весьма вероятно, что это была икона св. Екатерины, что ныне украшает бейрутский собор св. Георгия (11): с императорской короной на голове и руками, распростертыми над саблей и глобусом, святая заступница вызывала у горожан вполне понятные политические аллюзии [26]. Источник сообщал, что солдаты следили, чтобы всадники не забывали спешиваться перед образом, а прохожие – сгибаться в поклоне [20. Р. 106].

Нет сомнения, что эти действия были санкционированы Йусуфом Шихабом. Пребывание в Бейруте отряда арнаутов должно было убедить горожан, что за спиной эмира по-прежнему стоял могучий российский союзник, чей флот господствовал в Восточном Средиземноморье. Городской летописец продолжал называть греко-албанцев «московскими солдатами» [15. С. 98]. Пропагандистской цели, очевидно, служил и отразившийся в местной летописи слух о том, что отряд состоял из 100 человек [15. С. 98]. В конце 1774 г. эмир дал убежище в Бейруте и числившемуся на российской службе экипажу галиота грека Константина Дели, захватившему французский корвет и вырезавшему его команду [21. Р. 314] (12).

По-видимому, отношения арнаутов с бейрутцами складывались вполне мирно, по крайней мере, в летописях нет сообщений о каких-либо конфликтных ситуациях. Много позже, опираясь на хронику Хайдара аш-Шихаби, который называл капитана Елифания «Истыфаном» [18. С. 53] (13), а также на «народное предание», царский дипломат К.М. Базили упомянул, что русский офицер

«Степан» «командовал в Бейруте и оставил по себе хорошую память» [3. С. 83]. Вероятно, сыграло роль и отсутствие языкового барьера. Многие местные христиане были потомками греческих переселенцев, в значительной степени арабизировавшихся, но не забывших родной язык. Греческий использовался в православных церковных службах. Таким образом, греко-албанские солдаты не должны были испытывать сложности в коммуникации, по крайней мере с представителями православной общины города.

Весной 1775 г. ситуация переменилась. В соответствии с условиями подписанного Кючук-Кайнарджийского мирного договора Россия осенью 1774 г. начала вывод флота из Восточного Средиземноморья, а в марте – мае 1775 г. пределы османских владений покинули последние суда Архипелагской экспедиции. На их борту, в частности, были и пожелавшие переселиться в Россию греческие и албанские наемники с женами и детьми. Отрезанные от соотечественников, оставшиеся на Ближнем Востоке арнауты не приняли участие в эвакуации в Крым (14). Возможно, они о ней даже не знали или не надеялись, что покинувших службу солдат могут взять в Россию. В мае 1775 г. упомянутый консул Б. Астье доносил, что власти Горного Ливана выгнали из Бейрута «гарнизон руссо-греков», а также за выкуп в 4 тыс. пиастров отпустили капитана Константина Дели и 13 моряков его команды. «И те, и другие, – уточнял дипломат, – перешли на службу к шейху Дахиру» [21. Р. 314]. Устранение греко-албанского контингента из Бейрута прошло без эксцессов. Как сообщалось в местной хронике, «московские солдаты спустили знамя и покинули крепость и башни», передав их эмиру Йусуфу [15. С. 98].

В марте 1776 г. Джаззар-паша был назначен Портой правителем Сайдского пашалыка и вскоре, невзирая на сопротивление Йусуфа Шихаба, поставил Бейрут под свой контроль. Что касается членов различных религиозных общин, то судьба их складывалась по-разному. В то время как горожане-сунниты продолжали вести прежний образ жизни, а друзьям было запрещено являться в Бейрут, христиане бежали в горы и на протяжении 3 лет не решались вернуться в родной город, «тяготясь на чужбине бездействием и расходами» [15. С. 104]. Впрочем, в Горный Ливан бежали не все члены общины. Несколько купцов остались, очевидно, боясь бросить свои товары и тем самым превратившись в удобный объект для репрессий властей и сведения личных счетов. Православный хронист отмечал суровость действий кахьи аль-Джаззара, который управлял в те годы городом. Те торговцы, на кого мусульманские земляки донесли об их «вине во время войны с русскими», подверглись жестокой казни «посредством сажания на кол, подвешивания [через ребра] на крюк и повешения» [15. С. 104]. Не посчастливилось и тем христианским купцам, кто избежал обвинений в коллаборационизме. С них кахья потребовал денежных выплат. Торговцев помещали в тюрьму и отпускали только тех, кто мог найти поручителей и отправиться собирать требуемую сумму у скрывавшихся в горах родственников и друзей. Возможно, описывая репрессии, летописец сгустил краски, стремясь вызвать у читателей ассоциации с религиозными гонениями Римской эпохи. Но представляется вполне логичным, что аль-Джаззар

решил выжать деньги из общины, столь счастливо избежавшей реквизиций конца 1773 г., и действовал в своей манере: жестко и безжалостно.

Гонения прекратились только в конце 1778 – начале 1779 г. Христианский хронист объяснял их окончание заступничеством православного служащего бейрутской таможни Йунуса Никулы, которого связывали с аль-Джаззаром хорошие отношения [15. С. 104]. Личный фактор нельзя сбрасывать со счетов, однако обращает внимание, что в это же время Джаззар-паша примирился с эмиром Йусуфом. Эмир в обмен на выплату 100 тыс. пиастров добился своего утверждения в качестве правителя Горного Ливана (15). В Бейруте аль-Джаззару уже не было нужды преследовать местных христиан в качестве пособников своего врага. В свою очередь, обнадеженные мирным соглашением бейрутские христиане устремились в свои дома, пришедшие в разруху после постоя в них солдат аль-Джаззара.

Местная хроника отмечала, что «в Бейруте установились покой и безопасность», «между христианами и мусульманами царило полное согласие» [15. С. 106]. Более того, православный летописец с удовольствием констатировал, что «визирь Джаззар хорошо управлял жителями своей области, так что люди желали ему продолжительной жизни» [15. С. 106]. Можно сделать вывод, что спровоцированный действиями российской эскадры и ее ливанского союзника межобщинный конфликт был урегулирован.

Первая и вторая осады Бейрута, а также кратковременный период его оккупации выявили различия в поведении основных проживавших в городе этноконфессиональных групп. В июне 1772 г. христиане массово покинули город, предоставив его защиту мусульманам, годом позже они также не приняли активного участия в обороне. Однако на этом этапе «правоверным» было не в чем упрекнуть своих христианских земляков. Поведение обеих общин строго соответствовало исламским принципам религиозного устройства. Шариат возлагал ответственность за защиту Земель ислама (араб. Дар аль-ислам) на мусульман и запрещал «покровительствуемым» (араб. ахль аз-зимма), в частности христианам, носить оружие.

Другое дело – проявления измены и коллаборационизма со стороны местных христиан, упоминания о которых содержатся в источниках. В рапорте Кожухова сообщалось о перебежчиках-христианах, передававших российскому командованию точные сведения о численности войск и боевых потерях аль-Джаззара, запасах имевшегося в крепости провианта [1. Ф. 8. Оп. 4. Д. 771. Л. 8-8 об.]. Данных о дезертирах-мусульманах в документах не встречалось. Реявшие над городскими башнями Георгиевские кресты, украшавший ворота образ св. Екатерины также должны были наполнять бейрутских христиан радостью и надеждами. И, конечно, то, что их дома обошли подручные эмира Йусуфа, выбивавшие деньги и ценности для выплаты россиянам контрибуции, христиане не могли не считать милостью Господней.

Не приходится сомневаться, что настроения бейрутских мусульман были противоположными. Община пострадала во время боев с «московитами», впоследствии была разоружена и ограблена, унижена знаками христианского

господства, вывешенными греко-албанцами. Поэтому обрушившиеся на христиан в 1776 г. репрессии должны были восприниматься мусульманами как справедливое возмездие.

Перемены в системе этноконфессиональных отношений, наблюдавшиеся в Бейруте в 1773–1776 гг., происходили на ограниченном пространстве небольшого города. Но в них слышатся первые толчки потрясений, прогремевших в Египте во время экспедиции Наполеона Бонапарта 1798–1801 гг. и окончательно разрушивших традиционное межрелигиозное устройство в годы оккупации Сирии Мухаммадом Али в 1831–1840 гг., друзско-маронитских войн 1842–1860 гг. и реформ Танзимата. Очевидно, что члены иноверных общин тяготились теми социальными и бытовыми ограничениями, которые налагались на них в Османском государстве. Давление европейских держав и поддержка сепаратистски настроенных правителей разжигали тлеющее недовольство зимми, провоцируя наиболее радикальную их часть к ниспровержению устоявшихся порядков. Это вызывало резкую ответную реакцию со стороны мусульман.

Для Османской Сирии, включая Горный Ливан и Бейрут, значение российской интервенции не ограничилось тем фактом, что регион впервые стал объектом мировой политики и оказался вовлечен в серьезный международный конфликт, как то подчеркивали арабские исследователи [25. Р. 15; 23. Р. 76]. История Бейрута 1772–1776 гг. является миниатюрной моделью тектонических процессов, до неузнаваемости изменивших социально-политический ландшафт арабо-османского мира в XIX – начале XX в. Вторжение европейской державы, разворот в ее сторону местного сепаратистски настроенного правителя, принятие идеи господства неисламского государства и противодействие этому лояльных Порте мусульманских властей, набухающий нарыв этноконфессиональных противоречий, – все это еще было новым для Ближнего Востока.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) В российских документах эмиры и шейхи назывались «князья и начальники» [1. Ф. 315. Оп. 1. Д. 607. Л. 1] или «князья и головы» [1. Л. 6]. Иногда последние именовались «капами». Очевидно, под таковыми имелись в виду ливанские феодалы-муката‘аджи или манасиб, имевшие голос в выборах правящего эмира.
- (2) Понятие «химайя» было распространено в арабо-османском официальном и бытовом вокабуляре, охватывая широкий спектр взаимоотношений: от «крышевания» вооруженными формированиями торговцев и ремесленников до «вассалитета» по отношению к султанской власти.
- (3) Французский консул оценивал численность приведенных Йусуфом Шихабом под стены города войск в 20 тыс. человек [20. Р. 211], российские источники говорят о 8-тысячной армии эмира [1. Ф. 8. Оп. 4. Д. 771. Л. 4 об.]. К тому времени ливанский рейд был уже более месяца заперт кораблями шейха Дахира при поддержке пары российских судов.

- (4) «Байрут, – отмечал позднее П.П. Львов, – представляет грязный амфитеатр жилищ, набросанных в тесной массе по каменистым утесам» [12. С. 226].
- (5) В письме графу А.Г. Орлову эмир Йусуф характеризовал свое ополчение как людей «почти ничего не наученных воинскому искусству, но весьма храбрых, естли не помышляют измены» [1. Ф. 188. Оп. 1. Д. 91. Л. 72].
- (6) Данный факт был неизвестен западным и арабским историкам. Первым правящим эмиром, тайно исповедовавшим христианство, считался младший брат Йусуфа Сайид-Ахмад, ненадолго ставший главой Горного Ливана в 1778 г. Впрочем, американский исследователь ливанского происхождения Илия Харик оговаривался, что, учитывая секретность смены веры, и до Сайида-Ахмада могли быть правящие эмиры, перешедшие из суннитского ислама в христианство маронитского толка [22. Р. 42].
- (7) «Дурная погода и бедность моего владения по притчине непрерывной войны», как он сам оправдывался пред адмиралом Г.А. Спиридовым [1. Ф. 188. Оп. 1. Д. 9. Л. 75].
- (8) Барон фон Пален записал в своем дневнике, что Епифаний был уроженцем Лемны (Лемноса) [2. Оп. 16. Д. 1948. Л. 6]. Впрочем, эти острова относительно близко расположены.
- (9) Пушек эмиру Йусуфу не хватало, и он направил гр. Орлову письмо с просьбой прислать орудия и боеприпасы [1. Ф. 188. Оп. 1. Д. 92. Л. 76].
- (10) Эта площадь, в обиходе называемая горожанами Бурдж (араб. Башня), пережила ряд перестроек и переименований: ал-Хамидийа, площадь Мучеников.
- (11) Иконостас был подарен храму в 1783 г. местным торговцем Йунусом аль-Джбейли, соответственно иконы были написаны до этой даты.
- (12) Начатое французским консулом на Кипре Б. Астье расследование фактически поставило К. Дели и его матросов вне закона, очевидно, по этой причине они предпочли укрыться в Бейруте.
- (13) Отметим, что в арабском языке нет буквы «п». Впрочем, возможно, ливанцам запомнился «капитан Стефано», командовавший одной из рот албанского батальона.
- (14) Подробнее о переселении «греко-албанцев» в Крым см.: [9. С. 5-13].
- (15) Подробнее об этих событиях см.: [24. Р. 61-65].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ).
- [2] Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).
- [3] Базили К.М. Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях. Иерусалим/Москва, 2007.
- [4] Брайк Михаил. Тарих аш-Шам, 1720–1782 (История Сирии 1720–1782). Дамаск, 1982.
- [5] аль-Джамил Илийас. Байна Лубнан ва Русийа фи ‘ахд аш-Шихабийин (Между Ливаном и Россией в эпоху Шихабов) // Тарих Ахмад баша ал-Джаззар (История Ахмад-паши ал-Джаззара). [Бейрут], [1955].
- [6] Йанни Джирджи. Тарих Сурийа (История Сирии) // Байрут фи-ль-мусаннафат аль-‘арабийа. Нусус мухтара (Бейрут в арабских сочинениях. Сборник текстов). Под ред. Йусуфа Хури. Бейрут, 1995.
- [7] Константинопольский И.Г. Общественно-политическая история Бейрута в конце XVIII – начале XIX вв. Дипл. раб. на соиск. степ. магистра. М., 2008.
- [8] аль-Мунаййир Хананийа. Ад-дурр аль-марсуф фи тарих аш-Шуф (Нанизанные жемчуга истории [округа] Шуф). Байрут, 1984.

- [9] Пряхин Ю.Д. Греки в истории России XVIII–XIX веков. Исторические очерки. СПб., 2008.
- [10] ас-Саббаг‘Аббуд. Ар-рауд аз-захир фи тарих Дахир (Цветущий сад истории Дахира). Газа, 2002.
- [11] ас-Саббаг Михаил Никула. Тарих шейх аль-‘Умар аз-Зайдани (История шейха Дахира аль-‘Умара аз-Зайдани). Каир, 2010.
- [12] Сирия и Палестина в описаниях российских путешественников, консульских и военных обзорах первой половины XIX в. М., 1991.
- [13] Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б. Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М., 2011.
- [14] Соколов А.П. История Архипелагския кампании, 1769–74 года // Записки гидрографического департамента морского министерства. Часть VII. СПб., 1849.
- [15] Трад ‘Абдаллах ибн Михаил. Мухтасар тарих аль-асакифа аль-лазина ракку мартабат риасат аль-кахнут аль-джалила фи мадинат Байрут (Краткая история епископов, возведенных в высокий сан первосвященников города Бейрута). Бейрут, 2002.
- [16] Хметевский С.П. Журнал // Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б. Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М., 2011.
- [17] аш-Шидьяк Танус. Китаб ахбар аль-‘ыйян фи Джабаль Любнан (Книга достоверных событий Ливанских гор). Бейрут, 1858.
- [18] аш-Шихаби Хайдар Ахмад. Тарих Ахмад баша.
- [19] аш-Шихаби Хайдар Ахмад. Любнан фи ‘ахд аль-умара’ аш-Шихабийин (Ливан в эпоху эмиров Шихабов). Бейрут, 1933.
- [20] Charles-Roux Fr. Les échelles de Syrie et de Palestine au XVIIIe siècle. Paris, 1928.
- [21] Documents consulaires. Lettres reçues par le chargé d’affaires du Roi à Malte au XVIII-ème siècle. T. I. Vol. 5. P.
- [22] Harik, Iliya F. Politics and Change in a Traditional Society Lebanon, 1711–1845. Princeton, New Jersey, 1968.
- [23] Kassir S. Histoire de Beyrouth. P., 2008.
- [24] Philipp T. Acre. The Rise and Fall of a Palestinian City, 1730–1831. N.Y., 2001.
- [25] Salibi, Kamal S. The Modern history of Lebanon. Delmar, 2004.
- [26] https://www.instagram.com/p/BNOKhs_A6W0/

REFERENCES

- [1] Russian State Archive of Navy (RSAN).
- [2] Russian State Archive of the Military History (RSAMH).
- [3] Basily K.M. Syria and Palestine under Ottoman Government in the Historical and Political Attitudes [Siria i Palestina pod turetskim pravitelstvom v istoricheskom i politicheskom otnosheniyah]. Jerusalem/ Moscow, 2007.
- [4] Brayk Mikhail. Tarikh al-Sham, 1720–1782 [History of Syria, 1720–1782]. Damascus, 1982.
- [5] al-Jamil Ilyas. Beina Lubnan wa Russiya fi ‘ahd al-Shihabiyyin [Between Lebanon and Russia at the epoch of al-Shihabs] // Tarikh Ahmad-basha al-Jazzar [History of Ahmad-pasha al-Jazzar]. [Beirut], 1955.
- [6] Yanni Jirji. Tarikh Suriya [History of Syria] // Bairut fi-l-musannfat al-‘arabiya. Nusus mukhtara [Beirut in the Arab Works. Collection of Texts]. Under red. of Yussuf al-Khuri. Beirut, 1995.

- [7] Konstantinopolsky I.G. *Obshestvenno-politicheskaya istoriya Beiruta v kontse XVIII – nachale XIX v.* [The Social-Political History of Beirut at the End of XVIII – Beginning of XIX century]. Text of Phd. Moscow, 2008.
- [8] al-Munayyir Hananiya. *Al-durr al-marsuf fi tarikh al-Shuf* [The Strung Pearls of the History of Shuf]. Beirut, 1984.
- [9] Priahin Y.D. *Greki v istorii Rossii XVIII-XIX vv. Istoricheskiye ocherki* [Greeks in the Russian History of XVIII–XIX Centuries. Historical Essays]. St. Petersburg, 2008.
- [10] al-Sabbag ‘Abbud. *Al-Rawd az-zahir fi tarikh Dhahir* [Flower Garden from the History of Dhahir]. Gaza, 2002.
- [11] al-Sabbag Mikhail Nikula. *Tarikh sheikh al-‘Umar al-Zaydani* [The History of Sheikh al-‘Umar al-Zaydani]. Cairo, 2010.
- [12] *Siriya i Palestina v opisaniyah rossiyskih puteshestvennikov, konsulskih i voyennykh obzorah pervoi poloviny XIX v.* [Syria and Palestine in the Descriptions of Russian Travelers, the Consular and Military Reviews of the First Part of XIX century]. Moscow, 1991.
- [13] Smilyanskaya I.M., Velizhev M.B., Smilyanskaya E.B. *Rossiya v Sredizemnomorye. Arhipelagskaya ekspeditsiya Ekateriny Velikoy* [Russia in the Mediterranean. The Archipelago’s Expedition of Catherine the Great]. Moscow, 2011.
- [14] Sokolov A.P. *Istoriya Arhipelagskiy kampanii 1769–74 goda* [The History of Archipelago’s Campaign 1769–74] // *Zapiski gidrograficheskogo departaments morskogo ministerstva* [The Briefs of Hydrographic Department of the Navy Ministry]. Part VII. St. Petersburg, 1849.
- [15] Trad ‘Abdallah ibn Mikhail. *Mukhtasar tarikh al-asakifa al-lazina rakku martabat piasat al-kahnut al-jalila fi madinat Bairut* [The Short History of Bishops Sanitized to the Rank of High Priests of the Town of Beirut]. Beirut, 2002.
- [16] Hmetevskiy S.P. *Journal [Logbook]* // Smilyanskaya I.M., Velizhev M.B., Smilyanskaya E.B. *Rossiya v Sredizemnomorye. Arhipelagskaya ekspeditsiya Ekateriny Velikoy* [Russia in the Mediterranean. The Archipelago’s Expedition of Catherine the Great]. Moscow, 2011.
- [17] al-Shidyak Tanus. *Kitab akhbar al-‘iyan fi Jabal Lubnan* [The Book of the Truthful Events of the Mountain Lebanon]. Beirut, 1858.
- [18] al-Shihabi Haydar Ahmad. *Tarikh Ahmad Basha al-Jazzar* [The History of Ahmad-pasha al-Jazzar]. Beirut, 1955.
- [19] al-Shihabi Haydar Ahmad. *Lubnan fi ‘ahd al-umara’ al-Shihabiyyin* [The Lebanon at the Age of Emirs al-Shihabs]. Beirut, 1933.
- [20] Charles-Roux Fr. *Les échelles de Syrie et de Palestine au XVIIIe siècle*. Paris, 1928.
- [21] *Documents consulaires. Lettres reçues par le chargé d’affaires du Roi à Malte au XVIII-ème siècle*. T. I. Vol. 5. P.
- [22] Harik, Iliya F. *Politics and Change in a Traditional Society Lebanon, 1711–1845*. Princeton, New Jersey, 1968.
- [23] Kassir S. *Histoire de Beyrouth*. P., 2008.
- [24] Philipp T. *Acre. The Rise and Fall of a Palestinian City, 1730–1831*. N.Y., 2001.
- [25] Salibi, Kamal S. *The Modern history of Lebanon*. Delmar, 2004.
- [26] https://www.instagram.com/p/BNOKhs_A6W0/

Beirut under Russian rule

Part 2. The siege and the occupation (1773–1774)

Taras Y. Kobishchanov

Institute of Asian and African Studies (IAAS), Moscow State University (MSU)
11 Mohovaya St., Moscow, 125009, Russia

During the Russian-Ottoman war of 1768–1774 Russia became the first European country that invaded Middle East in the Modern times and even for the short period occupied its part: the town of Beirut. The events that preceded the assault and capture of the town were fixed by the local chroniclers and Russian officers; as well they were reflected in the messages of Arab rulers and the reports of the diplomats residing in Syria. As a result the volumetric picture of the society is emerging that for the first time faced the colonial expansion of the modernized Europe. The second part of presented article presents the picture of life of the town during the siege of 1773 and its following Russian troops' occupation, that at first indeed took place, and then imaginary. Special attention is paid to the changes in the system of co-existence of different ethno-religious communities of Beirut.

Keywords: Beirut, Syria, Archipelago expedition, Youssuf Shihab, Dahir al-Umar

Информация об авторе / Information about the author

Кобищанов Тарас Юрьевич, доцент кафедры Истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки (ИСАА) Московского Государственного Университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: kobischanov@mail.ru

Taras Y. Kobishchanov, Assistant Professor at the Chair of History of the Near and Middle East' Countries, Institute of Asian and African Studies (IAAS), Lomonosov Moscow State University (MSU). E-mail: kobischanov@mail.ru

Для цитирования / For citation

Кобищанов Т.Ю. Бейрут под российским правлением. Часть 2. Осада и оккупация (1773–1774) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2019.Т. 11. № 1. С. 16–33. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8127-2019-11-1-16-33>

Kobishchanov T.Y. Beirut under Russian rule. Part 2. The siege and the occupation (1773–1774) // RUDN Journal of World History. 2019. Vol. 11. No. 1. Pp. 16–33. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8127-2019-11-1-16-33>

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 02.08.2018